

Михаил Юрьевич Лермонтов. Герой нашего времени.

Отрывок из романа

Мне невольно пришло на мысль, что ночью я слышал тот же голос, я на минуту задумался, и когда снова посмотрел на крышу, девушки там не было. Вдруг она пробежала мимо меня, напевая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбежала к старухе, и тут начался между ними спор. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вот вижу, бежит опять вприпрыжку моя ундина: поравнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрела мне в глаза, как будто удивленная моим присутствием; потом небрежно обернулась и тихо пошла к пристани. Этим не кончилось: целый день она вертелась около моей квартиры; пеньё и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лице ее не было никаких признаков безумия; напротив, глаза ее с бойкою пронизательностью останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она убегала, коварно улыбаясь.

Решительно, я никогда подобной женщины не видывал. Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчет красоты. В ней было много породы... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело; это открытие принадлежит юной Франции. Она, то есть порода, а не юная Франция, большею частью изобличается в поступи, в руках и ногах; особенно нос очень много значит. Правильный нос в России реже маленькой ножки. Моей певунье казалось не более восемнадцати лет. Необыкновенная гибкость ее стана, особенное, ей только свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи на шее и плечах и особенно правильный нос - все это было для меня обворожительно. Хотя в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в ее улыбке было что-то неопределенное, но такова сила предубеждений - правильный нос свел меня с ума; я вообразил, что нашел Гётеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения, - и точно, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни...

Под вечер, остановив ее в дверях, я завел с нею следующий разговор:

"Скажи-ка мне, красавица, - спросил я, - что ты делала сегодня на кровле?" - "А смотрела, откуда ветер дует" - "Зачем тебе?" - "Откуда ветер, оттуда и счастье" - "Что же? разве ты песнею зазывала счастье?" - "Где поется, там и счастливится". - "А как неравно напоешь себе горе?" - "Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять недалеко". - "Кто ж тебя выучил эту песню?" - "Никто не выучил; вздумается - запою; кому услышать, тот услышит; а кому не должно слышать, тот не поймет". - "А как тебя зовут, моя певунья?" - "Кто крестил, тот знает". - "А кто крестил?" - "Почему я знаю". - "Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал". (Она не изменилась в лице, не пошевелила губами, как будто не об ней дело.) "Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег". И тут я очень важно пересказал ей все, что видел, думая смутить ее - нимало! Она захохотала во все горло. "Много видели, да мало знаете, а что знаете, так держите под замочком". - "А если б я, например, вздумал донести коменданту?" - и тут я сделал очень серьезную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последние слова мои были вовсе не у места; я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаяться.